

Кругликова Г.И. (Екатеринбург)
Обряд основания Рима как источник о восприятии исторического пространства древними римлянами

История Рима традиционно, начиная с первых римских писателей-историков, так называемых старших анналистов, ведется от основания города. Первым из них был Фабий Пиктор (к. III - н. II в. до н. э.) - основоположник римской летописной традиции, писавший на греческом языке (не для римского читателя). Римские авторы соединили историческое предание этрусков о переселении в Италию, бежавшего после взятия Трои Энея, с преданием об основателе Рима Ромуле. «Ab urbe condita» писал свою историю Тит Ливий (59 г. до н. э. - 17 г. н. э.). С основателя, Ромула, заселившего Рим, который «правил скорее патриархально, чем тиранически, однако был убит или, как говорят другие, исчез», ведется «Римская история» Аппиана (II в.). С Тесея и Ромула начинаются «Сравнительные жизнеописания» Плутарха из Херонеи (до 50 - после 120 гг.), греческого философа и биографа, получившего римское гражданство при Веспасиане. Анализируя разные, основанные на этимологии, суждения писателей, о том «от кого и по какой причине получил город Рим свое великое и облетевшее все народы имя», самым правильным Плутарх считает, что город наречен в честь Ромула (1). «Римское государство, мизернее которого вначале и обширнее которого после распространения по всему миру не может припомнить человеческая память, ведет свое начало от Ромула [a Romulo exordium habet], кто был сыном девы-весталки Реи Сильвии и, как некоторые считали, Марса, и кто был рожден вместе с братом-близнецом Ремом» - такими словами открывает «Бревиарий от основания Города» Евтропий (IV в. н.э.).

В настоящее время в любой школе и любом вузе историю древнего Рима открывает легенда об основании города Ромулом и Ремом. Яркая и запоминающаяся (ее знают даже самые слабые ученики), она дает прекрасные возможности для формирования представлений о восприятии пространства древними римлянами. Прежде всего, эта легенда позволяет понять, что обитаемая земля как историческое пространство делилась римлянами на две несопоставимые в территориальном и качественном отношениях части.

В территориальном отношении это

- с одной стороны, их изначально небольшой по размерам (ок. 9,5 га) Roma quadrata (Четырехугольный = Квадратный Рим), получивший название по очертаниям верхней части Палатинского холма. На рубеже 7-6 вв. до н.э. он перерос в Quartamontium (Город четырех холмов или кварталов), занимавший уже 285 гектаров, а к концу царского периода - в

Septimontium (город семи холмов) или Roma septicolis (семихолмный город),

- с другой, - весь остальной заселенный мир.

В качественном отношении это

- с одной стороны, - их священный, вечный во времени, лучший во всем пространстве город, выросший по предначертанию богов: «Рим золотой, обитель богов, меж градами первый» (2).

- с другой, - скверный внешний мир темных, злобных сил и людей.

Между этими двумя частями основатель Ромул, вложив в плуг медный сошник (к вопросу о технологической нише формирования древнеримской цивилизации) и запрягши вместе быка и корову (версии различны: двух белых коров и т.п.), сам пропахал глубокую борозду по намеченной черте. Люди же, которые шли за ним, весь, поднятый плугом пласт, отворачивали внутрь, по направлению к городу, не давая ни одному кому земли лечь по другую сторону борозды. «Этой линией определяются очертания стены, и зовется она - с выпадением нескольких звуков - “померием“, что значит: “за стеной“ или “подле стены“ » (3). Померий («*romerium*» от «*post-moerium*») - священная граница, которая отчерчивала и ограждала «священный» город от всякого рода нечисти.

Тит Ливий отмечал, что померий, «согласно толкованию тех, кто смотрит лишь на буквальное значение слова», - это полоса земли за стеной, скорее, однако, по обе стороны стены. Некогда этруски, основывая города, освящали птицегаданьем пространство по обе стороны намеченной ими границы, чтобы изнутри к стене не примыкали здания, а снаружи полоса земли не обрабатывалась человеком. Этот промежуток, заселять или запахивать который считалось кощунством, и называется у римлян померием - как потому, что он за стеной, так и потому, что стена за ним. И всегда при расширении города насколько выносятся вперед стена, настолько же раздвигаются эти освященные границы (4). Именно в соответствии с птицегаданьем победил брата Ромул - он увидел 12 коршунов, а Рем только 6 (5).

Чтобы укрепить законами город «прежде даже, нежели стенами, Ромул запретил кому-либо прыгать», по словам Аврелия, через вал (6), по словам Плутарха - через ров, который копал Ромул, чтобы окружить стены будущего города (7), по сведениям Ливия - через новые стены (8). Так или иначе, нарушать эту черту не позволялось никому. Первой жертвой ее нарушения, по сведениям античных авторов, стал Рем. В насмешку над братом он попытался перепрыгнуть через еще не обустроенную границу, в результате чего и произошла первая на римской границе стычка, а Рем пал мертвым. «Так да погибнет всякий, кто перескочит через мои стены» - такую фразу вкладывает в уста Ромула Ли-

вий. В этой стычке, согласно Плутарху, пали воспитатель братьев Фаустул и его брат Плистин (9).

Территория внутри померия была священной. Сама она была основана с благостными помыслами по решению Юпитера, озвученному «с высоты эфира» своей дочери Венере,

«...шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх перед которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея,
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя» (10).

Сам город сооружался в соответствии со всеми священными обрядами, установлениями и правилами, которым во всех подробностях научили Ромула, специально приглашенные им из Этрурии мужи. На Комитии, месте в низине к северу от Палатина, согласно Плутарху, «вырыли круглую яму и сложили в нее первины всего, что люди признали полезным для себя в соответствии с законами и всего, что сделала необходимым для них природа» - плоды урожая, куски сырой руды, оружие, влили вино и кровь жертвенных животных, а затем «каждый бросил туда же горсть земли, принесенной из тех краев, откуда он пришел, и всю эту землю перемешали. Яму эту обозначают «мундус» (mundus) - тем же словом, что и небо» (11).

Самая нижняя часть ямы была посвящена манам - добрым обоготворенным душам умерших людей, которые назывались *Dii Manes* и пребывали в подземном мире. Им посвящался всеобщий праздник в честь мертвых - Фералии (21 февраля), в их честь совершали возлияния из воды, вина, молока. На надгробных памятниках обычно высекалась формула: *D.M.S.*, т.е. *Dis Manibus sacrum*. Мундус покрывали камнем - *lapis manalis*. Открывали ее только три раза в году - 24 августа, 5 октября, 8 ноября. Именно от нее, как от центра была очерчена божественная граница. Яма как пуповина соединяла землю с преисподней, мир живых с миром мертвых предков, ее нельзя было не оборвать, ни создать заново. Город вращался в ту землю, в которую уходило его прошлое (12).

Общее название римских богов - *dei* (светлый, блестящий), *numen* - означало божество в его ипостаси проявления воли и могущества. Богам достаточно было выражать свою волю движением головы (*puere*). По данным древних, Рим, как и другие города, имел своего бога-хранителя, и имя это держалось в строжайшей тайне. Причем, имя божества-хранителя всегда отличалось от другого, подлинного названия Рима. Подлинное - латинское имя города Рима оберегалось еще строже. Это

было связано с эвокацией (evocatio) - священным обрядом выманивания чужих богов-хранителей осажденного неприятельского города с обещанием дележа добычи, предложением перейти в Рим на более выгодных условиях, прельщая их храмом, большим почитанием и т.п. Дело в том, что каждое сражение, в понимании древних, - это не только битва людей на земле, но и богов над нею. Так, при осаде богатого и могущественного этрусского города Вейи, Камилл по свершении гаданий (ауспиций) отдал воинам приказ к оружию. Сам же выступил вперед и возгласил: «Под твоим водительством, о Пифийский Аполлон, и по твоему мановению выступаю я для ниспровержения града Вейи, и даю обет пожертвовать десятину добычи из него. Молю тебя царица Юнона, что ныне обихоживаешь Вейи: последуй за нами, победителями в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия» (13). Вейи были взяты Камиллом в 396 г. до н. э. При археологических раскопках Вейи была найдена терракотовая статуя Аполлона.

Многие народы древности опасались за своих богов. По данным Курция Руфа, когда одному, причем мало заслуживающему доверия гражданину города Тира, осаждаемого Александром Македонским, приснился Аполлон покидающим город, горожане опутали его статую, в свое время вывезенную из Сиракуз, золотой цепью и приковали к жертвеннику Геракла, которому они раньше посвятили свой город, «как будто это божество могло удержать Аполлона» (14). Еще более красочно об этом говорит Плутарх: «...словно человека, пойманного с поличным при попытке бежать к врагу, тирийцы опутали огромную статую бога веревками и привоздили ее к цоколю, обзывая Аполлона “александристом”» (15).

Римляне, опасаясь за свое божество, хранили в тайне даже его пол. По свидетельству Плиния Старшего, произносить имя «...считается нечестием. Название это, хранимое в тайне во имя высшего блага и спасения государства, разгласил Валерий Соран и вскоре понес за это наказание». Абсолютно категоричны по этому поводу комментарии Сервия, римского грамматика конца IV в., к 277 строке 1-й книги «Энеида» Вергилия: «Подлинное название этого города (Рима) никто, даже при священных обрядах не произносит». Плиний приводит предостережение старинной религии, установленное «главным образом для того, чтобы не разглашали эту тайну: у изображения богини Ангероны, которой совершаются жертвоприношения в 12-й день до январских календ, рот перевязан и запечатан» (16). По мнению Плутарха, «римляне думали, что для бога покровителя самая верная и крепкая охрана в том, чтобы никто не знал, а зная, не смел произносить его имени» (17). По Плинию, обряд эвокации сохранялся в учении жрецов-понтификов, как о древнем обычае говорят о нем Сервий и Макробий. Вызывание в Рим богов практи-

ковалось довольно длительное время и перестает встречаться только в период империи.

Макробий подчеркивал, что ученые грамматики, отдавшие много сил разгадыванию тайных имен, отыскали и некоторые из имен богов-покровителей, но подлинное имя покровителя Рима и «Латинское имя» самого города остались неизвестными даже ученым римлянам. Одни называют Юпитера - по его знамени на Палатине Ромул заложил первые камни города; к нему воззвал Ромул, влекомый бегущими от сабинян римлянами: «...отрази ты врага, освободи Римлян от страха, останови постыдное бегство!» (18). Другие называют Луну, третьи Ангерону; наиболее вероятной кандидатурой признается Опис (Опа) Консивия. Опис - богиня урожая, ставшая затем богиней богатства. В ее честь справлялись Описконсивии (Ops Consivia - Сеятельница) 25 августа и Опалии 19 декабря.

Боги римлян жили внутри померия, священного пространства, и главной заботой римлян было не допустить его осквернения. Осквернение могло произойти изнутри, а могло быть и занесено снаружи. В пределах померия вплоть до Второй Пунической войны (218-201 гг. до н.э.) не могли отправляться культы чужеземных богов. Первоначально боги вообще не имели изображений (кумиров) или чтились в виде предметов: копье - Марс, камень - Юпитер, огонь - Веста. Божество Terminus имело конкретный символ в виде пограничного камня.

Священные обязанности мог выполнять только тот жрец, чья душа ничем не уязвлена, кто был беспечален и сосредоточен, чист, здоров и невредим. Телесное совершенство жреца было обязательным, т.к. всякая язва или рана - это нечто подобное ущербу и осквернению тела. По этой же причине для жертвоприношений не брали большое животное, а для гаданий нездоровых птиц (19). Жрецу «бога богов» Юпитера - фламину (Flamen Dialis) запрещалось прикасаться к муке (она - «жертва жернова», зерно убито и уничтожено помолом), к закваске и поднявшемуся тесту (плод брожения и гноения), к сырому мясу (нечистое, оскверненное и безобразное, как свежая рана). Ему предписывалось сторониться собаки и козла в силу их «нечистоты». Ему запрещалось прикасаться к плющу (связывает), носить кольцо и иметь на себе в своей одежде швы и узлы: узлы и узник - метафора смерти.

Жрецы, осужденные на изгнание, теряли свой сан, на их место избирали других. Весталок, утративших чистоту, казнили погребением живо. Только авгуры (гадатели, толкователи, предсказатели конкретных ситуаций) до конца жизни не утрачивали жреческого достоинства, даже если были уличены в самых тяжких преступлениях. По размышлениям Плутарха, это могло быть объяснено рядом причин. Может быть, римляне не хотели, чтобы тайны священного обряда знал человек, не облеченный саном. Или опасались, что, ставши частным лицом, он освободи-

дится от данной клятвы и откроет священное знание. Или же потому, что авгур обладал не саном и не должностью, а особым искусством, которое точно также невозможно отнять, как у музыканта или врача их талант (20). Новых авгуров римляне не назначали, соблюдая установленное число. Государственных авгуров (*augures publici populi Romani*) сначала было только два. Потом число их увеличилось до четырех - все из патрицианских родов. Законом Огульниев (300 г. до н.э.) к ним добавилось еще пять плебейских. При Сулле авгуров было пятнадцать, а потом стало еще больше. Одежда авгура - тога с пурпурной каймой, которую натягивали на голову во время наблюдения знамений. В военном лагере авгуры носили короткий плащ, также окаймленный пурпуром. В обязанности авгуров входила также инаугурация царей, храмов, всех священных мест и городов.

Согласно легенде, птицегаданье Ромулом и Ремом велось по коршунам. Этому также имелись свои причины. Коршун считался вещей, чистой птицей: он не терзает (в отличие от орлов, сов и ястребов) пернатых - «свою родню» даже если они мертвы; не причиняет вреда ничему из того, что сеют, выращивают или пасут люди; его редко можно увидеть - коршуны не снуют перед глазами как другие птицы (21). При гаданиях использовался прорицательный жезл (*lituus* - лютюон) - загнутая с обоих концов палка. С помощью жезла авгур условно делил участок, на котором он стоял и участок горизонта, за которым он мог вести наблюдение с этой точки, на четыре части с севера на юг и с востока на запад. Затем параллельными линиями он выделял квадрат на горизонте и отбивал такой же квадрат на земле - проецировал «божественное» пространство на землю. Это отчерченное место становилось священным и называлось *templum*. Таким жезлом пользовался и Ромул, которого считали умелым авгуром, при выборе места для основания Рима. Священным был и спроецированный им квадрат - место зарождения Рима.

Рим - место вечной жизни и соприкосновение со смертью считалось осквернением для него. «Пусть мертвеца не хоронят и не сжигают в городе» - гласит § 1 таблицы 10-й Законов XII таблиц. По уставу фламину Юпитера запрещено появляться на кладбище, прикасаться к трупу и выходить за пределы померия. В воинских доспехах запрещалось внутри померия ходить воинам. Одежда римлянина - тога, ношение тоги - знак мира. Задача же армии заключалась в том, чтобы сражаться с темными силами как на стенах города (их освящали, за них сражались и погибали), так и за их пределами. Бог Марс внутри померия обеспечивал изобилие, на границе становился защитником этого изобилия, за померием превращался в грозного и жестокого мстителя для любого, посягающего на границы Рима (22). Таким образом, померий как часть пространства имел значение религиозно-административной границы города.

Римские воины во благо богов и по их воле должны были раздвигать святое пространство - зону чистоты и могущества богов. Это была богоугодная миссия. Так бог Янус помогал римлянам в сражениях. Перед войной открывали двери его храма, чтобы он мог отправиться на поле битвы, и закрывали только по окончании войны. Марс был хозяином оружия, руководил военной службой (*militae potens*). Лары покровительствовали перекресткам дорог и в военное время «призывались» на службу, они также считались «*militares*». Уже в эпоху империи солдаты в военных предприятиях обращались в одной молитве сразу к Юпитеру Всеблагому и Величайшему, к Юноне, Минерве, Марсу, Победе (*Victoria*), Геркулесу, Фортуне, Меркурию, Счастью (*Felicitas*), Здоровью (*Salus*), Судьбам (*Fata*), божествам учебного плаца, Сильвану, Аполлону, Диане, Эпоне, Матерям Сулевиам и Гению телохранителей императора. Но самым надежным было обращение «ко всем богам и богиням», чтобы никто из них не был забыт. По сути дела, римские границы были вверены римским богам. Солдаты же помогали им в этом.

Таким образом, мы видим прочную связь и взаимодействие богов и людей во благо священной территории, приобретающей духовное измерение. Именно установка богоугодного легла в основу обоснования римской захватнической политики, стала ядром римского имперского мышления. Померий служил границей для военной власти римских сановников - правомочия военного характера были действительны лишь вне его пределов. Идея очищения мира выводила из города в бой воинов царского Рима - первых агентов романизации. С этой идеей шли римские легионы создавать, а затем и расширять границы Римской империи. Со временем, римский народ «так широко распространил свое оружие по миру, что те, кто прочтут о его делах, познакомятся не с одним народом, а с деяниями всего рода человеческого» (23). Но расширить пределы города, его померий «в соответствии со старинным обычаем, согласно которому тем, кто увеличил размеры империи, предоставлялось право отодвигать и городскую черту» никто из римских военачальников, «а среди них были покорители великих народов», не использовал своего права, кроме Суллы, Августа и Цезаря (24). Во времена империи значение померия распространилось уже и на лимес, приграничную зону, которая становилась военным рубежом, обладала государственной ценностью.

Борьба со злым внешним миром и его демонами - жестокая и грязная работа. В сражениях в соприкосновении со скверной войны оскверняли себя как самим боем, так и неистовством, которое овладевало ими, - такими они возвращались домой через городские ворота. Вот почему, проводя пограничную борозду, Ромул поднимал сошник плуга и плуг переносили через место, предназначенное для ворот - вся стена считалась священной, кроме ворот. «Если бы священными считались и

ворота, неизбежный и необходимый ввоз и вывоз некоторых нечистых предметов был бы кощунством» (25). Ворота освящать было нельзя, так как через них провозят все, что нужно, в том числе и умерших. Город Ромула - Roma quadrata имел трое ворот: Porta Mugonia на северо-востоке, Porta Romana на северо-западе и Porta Trigonia на юге.

Чтобы не принести скверну на благодатное пространство, воины должны были очиститься. Для этого они проходили под Sogorium Tigillum - под балкой, поддержанной двумя опорами, возле которой находился алтарь Януса - древнего двуликого божества дверей и ворот, входов и выходов, лик его одновременно обращен в прошлое и в будущее. Все триумфальные арки и ворота Рима, через которые армия входила в город, имели очистительный смысл. Главным элементом любого триумфа являлся военачальник-победитель: он представлял Юпитера. 19 октября, по завершении летних походов на Авентинском холме перед входом в померий совершалась церемония очищения оружия, запятнанного вражеской кровью (armilustrium) и военных труб (tubilustrium).

Таким образом, римская религия - это, прежде всего, чувство зависимости от божеской силы и попечения, соединенное с точным добросовестным соблюдением ритуала. Основные же элементы древнейшего ритуала, учреждение жречества, празднеств и других составляющих культа в целом имели в понимании римлян огромное значение для дальнейшего развития исторического времени: чтя богов и предков, очищая себя, свой город, они отводили скверну от грядущих поколений. Само понятие пространства рассматривалось римлянами в древнейшие времена уже не только как пространство, созданное богами, т.е. как мифологическое, но и как осваиваемое и изменяемое во времени людьми, т.е. как историческое.

1. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ромул, 1-2.
2. Авсоний. О знаменитых городах, 1.
3. Плутарх, Ромул, 11.
4. Ливий. История Рима от основания города, I, 4-5.
5. Ливий, I, 9; Аврелий. О знаменитых людях, I, 4; Плутарх. Там же, 9.
6. Аврелий. Там же, I, 4.
7. Плутарх. Там же, 10.
8. Ливий, I, 7, 2.
9. Разные версии гибели Рема см.: Ливий. История Рима от основания города, I, 7; Аврелий. Происхождение римского народа. XXIII, 4-7; Вергилий. Энеида. I, 292; Овидий. Фасты, V, 469; Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Ромул, 27-29; Тацит. Анналы, 12, 24; Флор. Две книги римских войн, I, 1, 2.
10. Вергилий. Энеида. 275-282.
11. Плутарх. Там же, 11.
12. Г.С. Кнабе. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима / Культура древнего Рима. Т.2. М., 1985. С. 110.
13. Ливий, V, 21, 2-3.
14. Курций Руф. История Александра Македонского, IV, 3, 21-22.
15. Плутарх, Александр, 24.

16. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве, III, 9.
17. Плутарх. Римские вопросы, 61.
18. Ливий, I, 12, 4.
19. Плутарх. Римские вопросы, 73.
20. Плутарх. Римские вопросы, 99.
21. Плутарх, Ромул, 9; Римские вопросы, 93.
22. Плутарх. Римские вопросы, 27.
23. Флор, I.1.
24. Тацит. Анналы, XXII, 23.
25. Плутарх, Ромул, 11.

Латыпов Р.Т. (Екатеринбург)

Политика в области просвещения этнических меньшинств Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

До 1917 г. культурно-просветительная работа среди абсолютного большинства национальностей Урала велась только религиозными или церковно-приходскими школами. После Октябрьской революции Советское правительство начинает планомерно проводить политику по культурному переустройству общества, главным из которых была ликвидация неграмотности среди населения, что рассматривалось в качестве первоочередной задачи. Государственная политика в сфере образования была направлена на достижение двух целей – сделать образование доступным для рабочих и крестьян и перестроить его на новых идеологических основах.

На Урале проблемы просвещения усугублялись рядом специфических обстоятельств, связанных прежде всего с тем, что дореволюционный Урал в культурном отношении значительно отставал от центральных районов России. По данным Всероссийской переписи населения, проведенной в 1920 г., грамотность шестимиллионного уральского населения составляла 29,3 % и была ниже, чем в среднем по России (31,9 %) (1). Еще более низкий культурный уровень населения был в отдаленных районах Урала и среди национальных меньшинств, населявших край.

Уровень культурного развития народов Урала можно проследить по данным распределения населения по грамотности, изложенным во Всероссийской переписи населения 1920 г. По итогам этой переписи среди населения национальных меньшинств Урала процент грамотных колеблется следующим образом: самый высокий процент грамотных был среди латышского населения, который составлял 71,6 %, у евреев – 70 %, у поляков – 56,5 % и у немцев – 49,5 %, но так как эти народы составляли всего около 6 % от общей массы национальных меньшинств, то в целом они не определяли процент грамотности у нерусского населения. Значительно отставали от них славянские народы: так, процент грамотных у белорусов составлял 29,8 %, у русских – 28,9 %, у украинцев – 28,1 %, у